

Казанская

Правда

Вышедшие из каменного молчания

В нынешнем году научная общественность отмечает 90-летие известного казахстанского китаиста и тюрколога Юрия Зуева, получившего еще при жизни международное признание за вклад в историческую тюркологию.

– Сегодняшний разговор хочу посвятить монографии Юрия Алексеевича Зуева «Ранние тюрки: очерки истории и идеологии», ставшей важнейшим исследованием государственных объединений ранних тюрков, идеологические воззрения которых во многом имеют общую основу, – говорит главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, доктор исторических наук Кенже Торланбаева. – Этот большой труд посвящен обществам кочевников, их культуре, истории Великой степи с периода создания первой евразийской империи гуннов (в китайских источниках – хунну) до монгольской эпохи.

Напомню, что Гуннская империя достигла своего могущества в 209 году до нашей эры благодаря незаурядному правителю Модун шаньюй кагану (или Тенгри кут). Он первым в истории человечества сформулировал закон, ставший основой государственности современных стран: земля есть основа государства.

Корни казахской государственности берут начало именно с такого уникального тюркского пласта, оставленного в наследство древними номадами. Казахское ханство стало правопреемником сакских, гуннских, древнетюркских, кипчакских, караханидских, золотоордынских каганатов, улусов и государств.

– Кенже Ускенбаевна, какие артефакты исследовал Юрий Зуев, откуда он черпал информацию о древних тюрках?

– Юрий Алексеевич сделал важные для исторической тюркологии выводы. Они касаются Больших памятников Монголии, которые он называл уникальными письменными свидетельствами по истории кочевников всей степи и, в частности, Казахстана. Центральным

сюжетом рунических текстов, выбитых на каменных памятниках, является тюрко-тюргешская война, которая происходила во времена правления у восточных тюрков – Капагана (в китайских источниках – Мочжо, 691–716) и у тюргешей – Сакала (в китайских источниках – Согэ, 706–711). Каменные стелы, украшенные рунами в честь тюркского Бильге-кагана (каган – правитель), полководца Кюль-тегина (тегин – наследный принц) и мудрого советника Тоньюкука, признаны уникальным культурным наследием человечества.

Вначале давайте остановимся на самих памятниках. Памятник в честь военачальника древнетюркского государства, младшего сына Ильтериш-кагана – Кюль-тегина, возглавлявшего войско, содержит самую большую руническую надпись. Возвели памятник через год после гибели Кюль-тегина, которая случилась в 731 году. Текст пронизывает мысль о божественном праве каганов из рода Ашина на власть, об их нерушимой связи с тюркским элем-народом. Категоричное утверждение о своем божественном праве на власть, думается, было не случайным: в период вторжения в Семиречье Танская империя опиралась как раз на своих ставленников из рода Ашина.

Руны Кюль-тегина, по сравнению с текстом о его старшем брате – Бильге-кагане, сохранились лучше. Они выразительные и самые большие по повествовательному объему, дают наиболее полное представление об истории тюрков, начиная с правления первых каганов Бумына и Истеми до трагической гибели Кюль-тегина и устроенного в честь него пышного похоронного обряда.

Чешский археолог Йисл, руководивший в 1957–1958 годах монголо-чешской экспедицией и раскопками мемориала Кюль-тегина в Монголии, указывал, что мраморная стела (на ней высечены так называемые Большая и Малая рунические надписи) находится в погребальном комплексе, куда входят еще храм и балбалы. Внутри храма – жертвенник с очагом и статуи Кюль-тегина и его супруги. Удалось обнаружить голову статуи Кюль-тегина, которую украшал венец с пятью зубцами. Здесь невольно напрашивается аналогия с тюркской богиней Умай, на голове которой изображалась трехрогая тиара-венец. От головы супруги Кюль-тегина остался лишь фрагмент.

– О чем повествуют руны?

– Центральной темой поэмы в честь Кюль-тегина стала история расцвета и крушения древнего тюркского государства. Руны идеализируют его как победителя врагов «в четырех углах света», благодаря чему тюркский эль стал жить в мире и богатстве. Уже в те

времена каганы понимали, что империю сложнее одолеть, нежели разрозненные племена, и призывали к единству под своей божественной властью, а идеей сплочения, согласно тексту, были обычаи предков.

За прочтение надписи взялся датский лингвист и историк Вильгельм Томсен. Он доказал, что письма принадлежат древним тюркам и разрушил мнение о том, что у них не было своего письма. В 1893 году Томсен прочитал первые слова: Тенгри, каган, тюрк. Позже он узнал, что непонятное ему слово «Тенгри» означает небесного бога. Томсен открыл уникальную, забытую культуру кочевников – тех самых, среди которых были гунны, готы, уничтожившие Восточно-Римскую империю (Византию) и которых считали варварами.

Время Томсена называют вторым рождением тюрков, вышедших из каменного молчания, а руны – чистейшим тюркским языком. Спустя несколько лет Томсен издал книгу «Дешифрованные орхонские надписи» (надписи Больших памятников Монголии относятся к орхонским), ставшую первым в мире учебником по древнему кипчакскому, огузскому, тюрешскому и другим языкам Великой степи. И еще включил в нее переводы известных на тот момент каменных текстов кочевой цивилизации.

Выразительность и поэтичность рун на стеле Кюль-тегина не оставляют равнодушными: верховный правитель Бильге задействовал лучших мастеров, чтобы почтить память любимого младшего брата. А также на века запечатлел летопись каганата и заветы, как сохранить себя в бесконечных битвах и трудах.

Судя по всему, Бильге рассчитывал, что надписи прочтет каждый его подданный, кто окажется рядом и получит эстетическое наслаждение: «Я также приказал гробницу возвести, / Покрыть ее резьбой снаружи и внутри – / Украсить так ее, как принято у нас. / Мой царственный завет – сердечные слова / Нести из рода в род велю вам: пусть войдут / Они в народ «он ок» (народ «десяти стрел». – *Авт.*) и в племя тат, и пусть, / О тюрки, пусть всегда среди вас они живут! / И если камень мой еще стоит в степи / На перекрестке троп и кочевых путей, / То именно затем, чтоб повсюду он / Был виден, утвердил его Бильге-каган. / Смотрите на него, вникайте в письма, – / Здесь вечный камень я на все века воздвиг! / А надпись составлял и письма писал – Йолыг-тегин, что был племянником ему».

– Красивая поэма в камне уже «заговорила» на современном казахском языке?

– На казахский язык рунические тексты в 1971 году начал переводить Губайдолла Айдаров, строго следуя научным лингвистическим правилам. Позднее Мырзатай Жолдасбеков переложил руны на современный казахский язык, и ратные строки «задышали» историей, человеческой радостью и плачем, наказанием и милостью. Древний автор воспевал военные походы полководца Кюль-тегина. Призывы к тюркскому элю быть единым народом перед лицом врага, оставаться верными идеалам предков и повиноваться кагану – были основной идеей Орхонских каменных памятников.

Согласно рунам, Кюль-тегину пришлось несладко на этом свете. Он жил в конце VII – первой половине VIII века, то есть в разгар войн за целостность тюркского эля. Причем воевал не только с внешними врагами, но и внутренними – теми, кто желал править своим родом самостоятельно, боролся с внутренней враждой между племенами, составлявшими Тюркский каганат.

Если конкретнее, то надпись Кюль-тегина рассказывает о событиях возникновения Тюркского каганата (а это середина VI века), о становлении Восточно-Тюркского каганата, освобождении тюрков от танского господства. На этом историческом фоне реальные персонажи, возглавлявшие реальные военные походы, – Бильге-каган и его брат полководец Кюль-тегин – представлены легендарными, идеализированными героями.

Имя автора текстов известно – это Йолыг-тегин, первый известный нам тюркский поэт. Думается, он страстно желал, чтобы читатели ощутили холод и пламень эпохи, в которой он жил, узнали, о чем думали и мечтали люди его времени. И стали благодарными ему – Йолыг-тегину, стремившемуся поэтическим языком поведать о жизни и смерти, благородстве и предательстве, родине и изгнании. То есть о вечных человеческих страстях и ценностях, которые и сегодня волнуют нас.

– Какую информацию содержит надпись, выбитая в честь старшего брата Кюль-тегина – Бильге-кагана?

– Надпись Бильге-кагану плохо сохранилась. По повествовательному объему она уступает Кюль-тегину и не содержит такого хорошего литературного текста. Давайте перейдем к третьей надписи в честь мудрого советника Тоньюкука, политического и военного деятеля Второго тюркского каганата, сопровителя Бильге-кагана.

Юрий Алексеевич Зуев в своих исследованиях этот памятник считал важнейшим для понимания тюркской эпохи, ее социального,

политического и культурного облика. Текст на мраморной стеле появился при жизни Тоньюкука (точная дата неизвестна). Стела установлена в его родовом урочище в Баин-Цоктов, вблизи реки Тола, по его собственному приказу. Тоньюкук вошел в историю, возглавив вместе с другими тюрками в 679 году мятеж тюркских племен, расселенных на границе с империей Тан после гибели Первого тюркского каганата. Целью восставших было, естественно, возрождение каганата.

Выдающийся историк Лев Гумилев в книге «Древние тюрки» писал: «Мудрый Тоньюкук был уже слишком стар, чтобы стать во главе тюркских дружин. В 716 г. ему было 70 лет. Спасать каганат пришлось Кюль-тегину. Четыре года (711–715) он сражался с карлуками, и лишь в 716 г. при священной горе Тамаг он разбил их войско и заставил покориться каганату. Но к этому времени держава уже была охвачена восстанием...»

Стела Тоньюкука повествует о зависимости восточных тюрков от Танского государства до того времени, пока не восстал Кутлуг, ставший основателем каганата восточных тюрков и получивший имя Ильтериш – «создатель государства», или точнее «собиратель народа». Это отец Бильге и Кюль-тегина.

Надпись достаточно велика по объему. Если в двух первых текстах Больших памятников Монголии кагану приписывают доблесть и военную отвагу, то Тоньюкук свою роль видит в исполнении повелений кагана: он выступает инициатором важных дел государства, военачальником и советником кагана. Основной мыслью Тоньюкука (не забываем, что стелу установили при его жизни) является признание невозможности Тюркского каганата без правителя, признание божественного права кагана на престол. Однако Тоньюкук тут же рассуждает, что осуществление власти кагана возможно только при согласии с тюркским элем-народом. Единство народа и правителя – вот идеалы благополучия Тюркского государства.

Юрий Алексеевич писал, что необходимость двойственного правления заключена в самой должности Тоньюкука – соправителя кагана. Дело в том, что эти высшие деятели государства являлись представителями двух племен – Ашина и Ашидэ, образно олицетворявших отцовское и материнское право управления и наследования, в родоплеменном отношении – это каганский (условно говоря, мужской) и катунский (женский) рода, представители двух сторон одной семьи/династии. Тоньюкук был из клана Ашидэ, являвшегося «супружеским» кланом для каганов из рода Ашина.

Дав краткую характеристику памятникам, хотелось бы остановиться на выводах, к которым приходит Юрий Алексеевич Зуев в своей монографии. Одним из важнейших его заключений, является новый взгляд на историческую ценность текстов Больших памятников Монголии, в том числе для истории раннесредневекового Казахстана, что подтверждается другими источниками.

– Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

– Во-первых, речь идет о таком важном внешнеполитическом направлении, как отношения с Тюргешским каганатом, правители которого претендовали на титул правопреемников Западного Тюркского каганата. Соответственно, они претендовали на обширные стратегические земли на Великом шелковом пути в юго-западном и восточном направлениях. Согласно китайским летописям, первым тюргешским каганом был бага-таркан Учжилэ (по-тюркски Йузлик – обладающий сотней, или Учэлик по интерпретации Зуева, 699–706 годы). В «Истории династии Тан» сообщается, что он возглавлял «обособленное племя западных тюрков». Этим обособленным племенем в составе западных тюрков, согласно китайскому списку племен западных тюрков, находившихся под властью Хэлу кагана, было только одно племя тюргешей – хэлоши или алаши. В танском эдикте 736 года сообщается, что тюргеша «по происхождению не благородных отраслей, вышли из чужих фамилий», то есть происходили из разных племен. По мере ослабления западных тюрков «все дальние и ближние согдийцы-ху примкнули и подчинились ему. Он (Учжилэ) учредил (у них) должности двадцати военуправляющих – тутуков, у каждого было по 7 000 воинов. Обычно он проживал в северо-западных пределах (страны) Суйаб, а впоследствии, постепенно нападая, занял ее. Он перенес сюда свою орду-ставку и стал жить здесь».

Записи подтверждают, что тюргеша находились в составе западных тюрков. Концентрировались тюргеша в Кенгю-Тарбане – в Отрарском оазисе, на Сырдарье, где Кенгю и Тарбан являлись форпостами тюркских кочевий.

Возрождение в 682 году второго Восточно-Тюркского каганата предполагало восстановление степной империи в прежних границах. С этой целью тогдашний правитель Капаган пожаловал своему сыну в 699 году титул малого кагана, чтобы он взял в свои руки власть над западнотюркским крылом – территориями и коммуникационными путями Тюргешского каганата. Поэтому борьба с тюргешскими каганатами, представлявшими западное крыло, стала одной из главных задач Капаган-кагана. В китайских источниках сохранились сведения о

том, что непосредственной причиной войны между восточными тюрками и тюргешами стало обращение младшего брата тюргешского кагана Чжену к Капаган-кагану за помощью против Сакал-кагана, верховного правителя тюргешей.

События военно-политического характера между восточными тюрками и тюргешами демонстрируют переломный период в истории Центральной Азии, показывающий стремление восточных тюрков восстановить власть Ашина в западном крыле бывшей Тюркской империи. Тюргеши активно сопротивлялись этому и создали в Южном Казахстане и Жетысу свою правящую династию. Об этих событиях и повествуют надписи на трех Больших памятниках Монголии. Происходили эти события на территории современного Казахстана.

– Кенже Ускенбаевна, каким остался в Вашей памяти Юрий Алексеевич?

– Юрий Алексеевич Зуев родился в Тюмени, окончил восточный факультет по истории стран Дальнего Востока в Ленинграде. По распределению его направили в Алма-Ату, и он сумел проникнуться уважением и искренним интересом к историческому прошлому казахского народа, которому посвятил свой научный талант.

Он никогда не считал неопровержимыми сложившиеся постулаты советской исторической науки. Ключом к такому видению были письменные источники: китайская летописная традиция, которая является, наверное, самой сложной, потому что основана на конфуцианском учении, олицетворяющем китайскую цивилизацию. Однако сведения из этих историй, которые изучал Юрий Алексеевич, являются ценными и исторически непрерывными, они демонстрируют борьбу кочевых народов, рассказывают об их праве на собственную государственность, культуре, традициях и идеологии.

Тюркские памятники рунического письма, ставшие главными «героями» монографии Юрия Алексеевича Зуева, являются аутентичными и автохтонными, то есть собственными, созданными на этой земле. Это историческое письменное наследие кочевников, которое переоценить невозможно.

БЕСЕДОВАЛА РАУШАН ШУЛЕМБАЕВА